

Торопицын Илья Васильевич

**РОЛЬ ТАЙНОГО СОВЕТНИКА В. Н. ТАТИЩЕВА В РАЗВИТИИ ОТНОШЕНИЙ РОССИИ СО
СТАРШИМ КАЗАХСКИМ ЖУЗОМ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1730-Х ГГ.**

Статья посвящена внешнеполитическим и торговым связям России во второй половине 1730-х гг. со Старшим казахским жузом. Основное внимание в работе уделено переговорам, которые вел руководитель Оренбургской комиссии тайный советник В. Н. Татищев с посланцами хана Старшего казахского жуза Жолбарса. Характеризуются российская правительственная политика в отношении Старшего жуза, внешнеполитические взгляды и дипломатические шаги В. Н. Татищева по развитию русско-казахских связей. Освещается военно-политическая сторона миссии руководителя первого русского торгового каравана в Ташкент поручика К. Миллера (1738 г.).

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/1-2/46.html

Источник

**Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и
искусствоведение. Вопросы теории и практики**

Тамбов: Грамота, 2012. № 1 (15): в 2-х ч. Ч. II. С. 177-182. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/1-2/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

развития, гегемонии в международной политике и мирового господства Англии. Пат-зависимость показывает: социальные отношения и нормы в Англии сильно отличались от отношений и норм европейского континента. Видимо неформальные ограничения создали благоприятную среду для изменений формальных правил. Лучшее подтверждение – устойчивость возникшей политико-экономической системы. Если же радикальные изменения формальных правил приходят в противоречие с неформальными ограничениями, возникает бесплодная, но длительная политическая нестабильность.

Эффективные институты возникают в обществе со встроенными стимулами эффективных прав собственности. Но не имеет никакого смысла модель общества, в котором индивиды стремятся к максимальному своекорыстию без всякого влияния других мотивов. Неслучайно экономические модели общества в теории общественного выбора превращают государство в мафию или в Левиафана – механизм перераспределения имущества и дохода. Найти такие государства просто. Но теория общественного выбора не всеобъемлющая. Нужно глубже изучить детерминированные культурой нормы поведения и их взаимодействие с формальными правилами. Изучение институтов позволяет двигаться в этом направлении, но не гарантирует однозначных ответов на все вопросы [2, с. 172-178].

Список литературы

1. **Нестеренко А.** Современное состояние и основные проблемы институционально-эволюционной теории // Вопросы экономики. 1997. № 3.
2. **Норт Д.** Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. 180 с.
3. **Сусименко Е. В.** Феномен пат-зависимости в процессе институциональных изменений. Ростов-на-Дону: ЮФУ, 2008. 256 с.

THEORETICAL-METHODOLOGICAL PROBLEMS OF DETERMINING SOCIAL-ECONOMIC CONTENT OF INSTITUTIONAL CHANGES IN SOCIETY

Elena Vladimirovna Susimenko, Doctor in Philosophy, Associate Professor

Nina Nikolaevna Kapanyan

Department of Foreign Languages in Professional Communication

South-Russian State Technical University

lesusima@yandex.ru; ninakapanyan@rambler.ru

The authors compare the theoretical and methodological approaches to economic history analysis in the context of institutions theory, and substantiate the relevance of D. North's institutional theory, considering the influence of ideas and ideologies, transaction expenses and pat-dependence effect on the functioning of political and economic markets and the economic development of the country.

Key words and phrases: social institution; pat-dependence; cliometrics; technology; transaction expenses; convergence; economic behaviour determinants.

УДК 94(47+57+574)

Статья посвящена внешнеполитическим и торговым связям России во второй половине 1730-х гг. со Старшим казахским жузом. Основное внимание в работе уделено переговорам, которые вел руководитель Оренбургской комиссии тайный советник В. Н. Татищев с посланцами хана Старшего казахского жуза Жолбарса. Характеризуются российская правительственная политика в отношении Старшего жуза, внешнеполитические взгляды и дипломатические шаги В. Н. Татищева по развитию русско-казахских связей. Освещается военно-политическая сторона миссии руководителя первого русского торгового каравана в Ташкент поручика К. Миллера (1738 г.).

Ключевые слова и фразы: восточная политика России во второй половине 1730-х гг.; русско-казахские отношения; Старший казахский жуз; Оренбургская комиссия; В. Н. Татищев; К. Миллер; хан Жолбарс.

Илья Васильевич Торопицын

Кафедра истории России

Астраханский государственный университет

itoropitsyn@mail.ru

РОЛЬ ТАЙНОГО СОВЕТНИКА В. Н. ТАТИЩЕВА В РАЗВИТИИ ОТНОШЕНИЙ РОССИИ СО СТАРШИМ КАЗАХСКИМ ЖУЗОМ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1730-Х ГГ. ©

Взаимоотношения России с казахскими жузами в XVIII в. имеют богатую историографию. Наиболее обстоятельно начальный период их присоединения к Российскому государству (1730-е гг.) был рассмотрен в

трудах А. И. Левшина, М. Вяткина, Н. Г. Аполловой, В. Я. Басина, И. В. Ерофеевой, Ж. Б. Кундакбаевой и других [2-4; 7; 10; 12; 13]. Однако авторы, как правило, уделяют основное внимание взаимоотношениям российских властей с ханом Младшего казахского жуза Абулхаиром, выступившим инициатором углубления российско-казахских отношений в 1730-х гг. Дипломатическим контактам российских властей с посланцами Старшего жуза в историографии уделено намного меньше внимания. Фактически можно утверждать, что эти связи остались неизученными. Об этом свидетельствуют имеющиеся в исторической науке сведения, которые порой ошибочно передают хронологию этих событий и неверно трактуют многие детали.

Так, В. А. Моисеев утверждает, что Жолбарс-хан в 1738 г. вторично через К. Миллера обратился к русскому правительству с просьбой о приеме в подданство, заявляя о своей готовности содействовать развитию торговли России со Средней Азией. В связи с этим, пишет В. А. Моисеев, В. Н. Татищеву было поручено выяснить ситуацию в Старшем жузе и склонить Жолбарс-хана к принятию российского подданства [12, с. 109]. Однако эти события имели абсолютно другую последовательность. На самом деле первый раз просьба о подданстве России была высказана лишь старшинами Старшего жуза. Жолбарс-хан в 1738 г. действительно обратился к российским властям с просьбой принять его в подданство, но произошло это не во время его встречи с поручиком К. Миллером, которая имела место в ноябре 1738 г., а гораздо раньше. Свое прошение о принятии в российское подданство на имя императрицы Анны Иоанновны хан Старшего жуза написал в апреле 1738 г. Оно было передано его посланцами вместе с письмом руководителю Оренбургской комиссии тайному советнику В. Н. Татищеву в августе того же года в Оренбурге.

В этой связи следует подчеркнуть, что многолетняя служба В. Н. Татищева российскому государству на различных административных постах не раз была предметом пристального изучения. Но до настоящего времени оренбургский период в деятельности этого видного государственного деятеля России первой половины XVIII в. остается наименее изученным. В основном исследователи останавливаются на характеристике действий В. Н. Татищева по подавлению башкирского восстания 1737-1739 гг. [6; 19; 22; 23], устройству «за-волжских дел» и разборе материалов следственной комиссии, созданной над В. Н. Татищевым [17; 18; 20], однако о его практических шагах по налаживанию русско-казахских связей известно немного. А между тем к реализации программы мер по развитию отношений России с казахами В. Н. Татищев приступил с первых дней своего нахождения на посту руководителя Оренбургской комиссии.

Так, в донесении императрице Анне Иоанновне из Самары от 6 сентября 1737 г. В. Н. Татищев сообщал о переговорах, которые он вместе с полковником А. И. Тевкелевым вели в августе с посланцами Старшего и Среднего жузов. Их итогом стало формирование у казахских представителей убеждения в выгоды для их народов принятия российского подданства. В. Н. Татищев особо подчеркнул, что посланник Старшего жуза Кунай-батыр при отъезде из Самары заявил им, что «не могут ханы их более счастья и народам своим благополучия сыскать, как в подданстве Вашего императорского величества тем, что равномерно с прочими подданными чрез торг обогатятся, и ежли хотят спокойны быть, то под засчитою Вашего императорского величества ни калмыки зюнгорские и волжские, ни башкирцы их разорять не посмеют» [15, д. 1164, л. 755 об.].

К результатам проведенных летом 1737 г. переговоров обновленного руководства Оренбургской экспедиции (комиссии) с посланцами Старшего и Среднего жузов можно отнести активизацию русско-казахских отношений. В 1738 г. с просьбой о подданстве к императрице Анне Иоанновне через В. Н. Татищева обратился сам хан Старшего жуза Жолбарс. Его посланцы прибыли в Оренбург 2 августа (само прошение о подданстве было датировано 20 апреля 1738 г.), где спустя несколько дней состоялась повторная присяга России хана и старшин Младшего жуза и части старшин Среднего жуза. Очевидно, что свидетелями ее стали и посланцы Старшего жуза: Нурмухамет «с товарищи».

12 августа В. Н. Татищев отправил в Санкт-Петербург подробный отчет о произошедших в Оренбурге событиях, приложив к нему «просительный лист» от Жолбарс-хана [16, с. 219]. В ответ на это донесение 16 сентября 1738 г. именным указом В. Н. Татищеву помимо других вопросов, связанных с развитием русско-казахских отношений, было поручено выяснить политическую ситуацию в Старшем жузе. «Надлежит вам разведать о его состоянии, – говорилось в указе про хана Жолбарса, – и можно ль в том на него надеяться, и ежели он твердого состояния, то с ним далее корреспондовать и его, по тому его желанию, к подданству склонять». Впрочем, несмотря на имеющиеся в правительстве России сомнения в отношении политической самостоятельности хана Старшего жуза, руководителю Оренбургской комиссии поручили «чрез верных людей» переслать хану Жолбарсу императорскую грамоту, в которой выражалось согласие Анны Иоанновны принять Старший жуз в российское подданство. Для этого хан от имени своего народа должен был «по обыкновению» принести присягу.

В грамоте сообщалось, что полномочия по принятию в подданство казахов Старшего жуза («тебя Юлбарис хана и старшину твою и весь народ») делегированы императрицей тайному советнику В. Н. Татищеву, «пребывающему в наших тамошних землях». Императрица выражала надежду, что после принесения присяги Жолбарс-хан станет верным подданным России, «так же как и Абулхаир, и другие подданные Наши разных наций ханы». В дальнейшем Жолбарс-хану рекомендовалось поддерживать переписку непосредственно с В. Н. Татищевым («и что он Наш Тайный Советник при том будет тебе Нашим Императорским указом объявлять, и тебе тому верить»). В благодарность за «верность» Анна Иоанновна обещала казахам Старшего жуза, что разрешит российским подданным посещать по торговым делам Ташкент, «чем и весь ваш народ может пользоваться» [9, с. 129; 14, с. 617-618].

При этом императрица выразила заинтересованность в том, чтобы казахи поддерживали мирные отношения с подвластными Персии странами и народами и направили свою внешнеполитическую активность против Джунгарии. «Наши нынешние интересы того требуют, – говорилось в указе В. Н. Татищеву, – чтоб Персияне

будучи от других народов в покое и безопасности, против Порты войну восприяли, а вместо того, когда оные Киргизские Орды от Зюнгорского владельца Галдан Чирина обижены, и желают с ним в войну вступить, от того интересам Нашим вреда быть не может, однакож сие немалой важности дело держать секретнейшее, дабы упомянутый Галдан Чирин не был о том известен; ибо ежели он сведает, то легко может учинить нападение на Сибирские некоторые города и слободы» [14, с. 616]. Таким образом, В. Н. Татищев получил высочайшую санкцию на дальнейшее развитие торговых и политических отношений России со Старшим жузом.

Предвосхищая положительную реакцию правящих кругов государства на прошение о подданстве Жолбарс-хана, руководитель Оренбургской комиссии еще в августе 1738 г. стал деятельно готовиться к продолжению начатых с ним контактов. В ходе переговоров с ханом и старшинами Младшего жуза В. Н. Татищев убедил их взять на себя охрану русского торгового каравана, который он намеревался отправить через казахские степи в Ташкент, находившийся во владениях Старшего жуза. Абулхаир-хан с оговорками согласился дать проводников и сопровождающих лиц, а также написал письмо к Жолбарс-хану, чтобы тот принял караван и отпустил его на будущий год обратно в Оренбург [9, с. 128].

В начале осени 1738 г. купеческий караван во главе с поручиком К. Миллером отправился из Оренбурга в Ташкент. Данный эпизод неоднократно привлекал внимание исследователей, которые однозначно характеризуют его как неудачную попытку установить торговые связи между Россией и среднеазиатскими городами. Караван, как известно, не добрался до Ташкента, так как за два дня до конечной цели своего пути он был разграблен отрядом казахов Старшего жуза [1, с. 88-89; 2, с. 113; 4, с. 139].

Не оспаривая данного факта, необходимо заметить, что продажа товаров, отправленных в данном караване, не была единственной целью руководства Оренбургской комиссии. Задачи, поставленные В. Н. Татищевым перед руководителем каравана поручиком Астраханского гарнизонного драгунского полка К. Миллером, были намного шире. Но в историографии политической стороне миссии К. Миллера не уделено должного внимания. Даже в работе М. Абдураимова, специально посвященной судьбе первого русского торгового каравана, отправленного из Оренбурга в Ташкент, этот аспект изложен крайне скупно. Автор, как видно из его сочинения, заимствовал необходимые сведения из трудов ученых XIX в., которые не дают исчерпывающего материала по данной теме. Так, М. Абдураимов передает содержание инструкции В. Н. Татищева К. Миллеру по тексту, приведенному в сочинении С. М. Соловьева [1, с. 87-88]. Но сопоставление архивных источников с данным текстом показывает, что С. М. Соловьев привел не подлинный текст инструкции, а произвольно сформировал его из отдельных пунктов, приведенных, к тому же, не полностью, которые относились к двум разным инструкциям (обычной и секретной), данных В. Н. Татищевым поручику К. Миллеру. При этом С. М. Соловьевым были опущены многие важные детали, не относящиеся к сфере торговли.

А между тем направляя поручика К. Миллера из основанного И. К. Кириловым Оренбурга во главе российского торгового каравана в Ташкент, В. Н. Татищев помимо обычного в таких целях наставления, предписывавшего отстаивать интересы русского купечества, поставил перед ним широкий круг задач дипломатического и военно-политического характера. Они были изложены в секретной инструкции, составленной 28 августа 1738 г., с которой К. Миллер был ознакомлен перед отъездом в Ташкент.

В. Н. Татищев поставил перед поручиком задачу выяснить военную-политическую обстановку в Старшем жузе («с кем у них ныне наиболее согласие, война или опасность»), а также удостовериться в том, насколько прочна власть у хана Жолбарса. Кроме того поручику было поручено собрать сведения об отношениях Старшего жуза с Джунгарией и убедить Жолбарс-хана в необходимости активизировать военные действия против этого государства. «Разговорами выведывать у хана, имеют ли они охоту с оными калмыки воевать, – писал в инструкции В. Н. Татищев, – а притом их склонять на оных, представляя им, что те калмыки от часу усиливаются и могут вскоре киргиз кайсакам обиды сделать». В случае если Жолбарс-хан и его старшины от войны с джунгарами «невозможностью или недостатком будут отговариваться», то В. Н. Татищев рекомендовал К. Миллеру обнадежить их «помосию от Ея императорского величества, когда они просить будут».

В отношении вопроса о вступлении казахов Старшего жуза в российское подданство К. Миллер должен был убеждать хана Жолбарса, чтобы он на будущий год летом сам приехал в Оренбург и принес присягу или прислал для этого сына или кого-нибудь из ближайших родственников. «При том же надлежит от магистрата из знатнейших двум или трем быть, – говорилось в секретной инструкции В. Н. Татищева, – представляя, какая им ис того великая польза может». Все вопросы, связанные с дальнейшим развитием русско-среднеазиатской торговли, руководитель Оренбургской комиссии вступлением Старшего жуза в российское подданство. «Если будут тебя спрашивать, – наказывал он К. Миллеру, – пустят ли их ташкентских и бухарских купцов торговать в другие русские города, то им представить, что доколе они совершенно в подданство не придут и присяги не учинят, то им сие допустить без особенного Ея императорского величества указа не можно, для котораго на предбудущей год надобно им знатнейших для учинения присяги суда прислать и о том в доношении Ея императорского величества просить особливо, чтобы хан обесчл русских купцов от Ташкента до бухарских городов и возвратно до Яика безопасно провозжать».

К. Миллеру поручалось также выяснить наличие полезных ископаемых на территории Старшего жуза (золотой или серебряной руде). Поручик должен был привезти с собой несколько фунтов руды в виде образцов, а также доставить сведения о месте, где находятся месторождения. Помимо этого К. Миллера обязали составить подробный географический маршрут от Оренбурга до Ташкента, а также «стараться, чтобы о положении тамошних и соседних земель, городов, рек, озер и гор знатных обстоятельное известие с разстоянием получа ландкарту исполнить». Для этого вместе с ним был послан «под именем писаря» подпоручик геодезии А. Кушелев. Кроме того, В. Н. Татищев поручил офицерам добиться разрешения от Жолбарс-хана на поездку в Бухару и в другие города.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что красной нитью через весь текст данной секретной инструкции проходит требование соблюдения повышенных мер безопасности при ведении разведывательной деятельности. В. Н. Татищев инструктировал К. Миллера, чтобы тот проявлял крайнюю осторожность при сборе сведений в отношении полезных ископаемых. «О таких разговорах весьма беречься, – говорилось в инструкции, – чтобы не признали, что ты то по повелению наведываешься, и для того сперва не дивись и не спрашивай, показав вид, якобы, тебе и не нужно, а потом чрез разговоры кратко можешь выведать, ибо многие обстоятельства сначала и непотребны». При составлении карт руководитель Оренбургской комиссии рекомендовал офицерам «иметь крайнюю осторожность, чтобы так подозрительной народ оное себе за противно не принял, и для того оную класть между другими русскими ландкарты, для которого нарочно даны, однако ж для безопасности делать те и хранить по разным местам».

В. Н. Татищев понимал, что при осуществлении секретной части своей миссии К. Миллер не мог обойтись без помощников, поэтому разрешил поручику использовать для оплаты сведений, полученных через информаторов, часть казенных товаров. Но советовал не посвящать в детали таких вопросов даже русских купцов. «Сия инструкция дается тебе не на письме, но на словах, – говорилось в ней, – а для памяти можешь по-немецки кратко записать, но и то в таком месте хранить, чтобы никому попасться не могла, и русским никому о том не сказывать. В чем ты должен подписаться под лишением чести и живота» [15, д. 1167, л. 809-811].

Со своей стороны В. Н. Татищев поручил К. Миллеру передать от него Жолбарс-хану письмо и подарки. В письме он похвалил хана за желание вступить в российское подданство, отметив, что данный шаг «не токмо для собственной вашей, но и для пользы всего вашего народа служить может», и пригласил приехать на будущий год для принесения присяги российской императрице к нему в Оренбург. При этом В. Н. Татищев счел нужным подчеркнуть, что он выполнил просьбу Жолбарс-хана, высказанную им в личном к нему письме, и отправил в Ташкент русский торговый караван. Дальнейшее развитие торговых связей зависело, по словам руководителя Оренбургской комиссии, от того, какое впечатление останется у русских купцов от торговли в Ташкенте. Поэтому он просил хана не брать с них пошлин и оказать им содействие в торговых делах, обещая также не брать пошлин за торговлю в Оренбурге с купцов, которые будут приезжать из Старшего жуза [Там же, л. 710 об.].

В. Н. Татищев не оставил без внимания и такой важный момент как вручение руководителем торгового каравана подарков Жолбарс-хану. «Если будут говорить... – инструктировал он К. Миллера – что же хану тайной советник ныне не много послал, [то объяснить, что] оное токмо учинил, показывая свое приатство, а когда хан сам в подданство совершенно придет и присягою так, как Абулхаир хан утвердится, тогда и достойное жалованье от Ея величества получит, а тайной советник, смотря на его ханскую к нему учтивость, равномерно или сугубо возблагодарить его не оставит» [Там же, л. 810 об. – 811].

Как уже было отмечено, русский торговый караван был разграблен в пути. Все ехавшие в нем были захвачены в плен, кроме К. Миллера, который избежал этой печальной участи благодаря покровительству одного из казахских старшин. По сведениям М. Абдураимова, этого старшину звали Кунай Мурза [1, с. 89]. По всей видимости, именно этот человек в 1737 г. в качестве посланца Жолбарс-хана приезжал к В. Н. Татищеву в Самару. Тем не менее даже в такой ситуации К. Миллер продолжил придерживаться плана порученной ему миссии. Прибыв в Ташкент 9 ноября 1738 г., он явился к Жолбарс-хану и объявил ему, что «он отправлен по указе Ее императорского величества и по поручению его, хана, от тайного советника Татищева с российскими купцами в караване, который владения его (хана) кайсаки... ограбили». При этом поручик вручил хану Старшего жуза посланные с ним письма и подарки и попросил оказать содействие в возвращении взятых в плен людей и захваченного у них имущества [Там же, с. 92].

Уже из первого разговора с Жолбарс-ханом К. Миллеру стало ясно, что ханская власть в Старшем жузе является весьма ограниченной. В своих показаниях, данных по возвращении в Оренбург в 1739 г., К. Миллер отметил, что Жолбарс-хан заверил его, что послал к главарию отряда казахов, разграбивших российский купеческий караван, требование вернуть русские товары и людей, но при этом вынужден был признать, что «они меня в том не слушают». Единственное, чего добился К. Миллер в результате неоднократных просьб, так это обещание хана Старшего жуза продолжить усилия по освобождению взятых в плен людей и их имущества. В итоге это обещание было выполнено лишь наполовину – из плена были освобождены русские купцы и геодезист А. Кушелев, но товары вернуть не удалось. И это притом, что содействие в данном вопросе оказывал не только Жолбарс-хан, но и влиятельный старшина Среднего жуза Джанбек (Джаныбек) [1, с. 89, 92; 3, с. 148].

Что касается поручений, данных В. Н. Татищевым К. Миллеру, то можно с уверенностью говорить о том, что приглашение прибыть в 1739 г. в Оренбург для принесения присяги на верность России было им передано хану Жолбарсу. Очевидно, что выполнить задачи, связанные с поездкой в Бухару и в другие города, было очень сложно, так как для этого не было ни людей, ни товаров. Тем не менее ряд фактов свидетельствует о том, что русские офицеры собрали много полезной информации о политическом положении в Старшем жузе, а также о взаимоотношениях между казахами и жителями среднеазиатских городов. Так, К. Миллер отмечал в отчете о поездке в Ташкент, что «Сеид-Салтан (правитель Туркестана) говорил, что народ тамошний не постоянный и послал с ним Миллером к Ее императорскому Величеству и к генералу (Татищеву) письмо: причем на словах просил, чтобы (императрица) благоволила его принять (вместе с народом) в подданство». По словам А. Кушелева, «ташкентцы и туркестанцы все со всякою радостью готовы быть в подданстве Ее Императорского Величества, дабы охранены были от кайсаков (казахов) и калмыков, от которых они многие разорения претерпевают, о чем ему, Кошелеву, также и поручику Миллеру, сами... (узбеки) сказывали» [1, с. 93].

Приведенные выше сведения позволяют предположить, что в период своего пребывания в Старшем жузе (с ноября 1738 г. по апрель 1739 г.) К. Миллер и А. Кушелев могли побывать в Туркестане или имели возможность пообщаться с правителем и купцами этого города в Ташкенте. Следовательно, они продолжали действовать

в русле тех указаний, которые получили от В. Н. Татищева, но, ввиду объективных причин, не все из них удалось осуществить. Так, мы не имеем никаких сведений относительно того, состоялись ли переговоры К. Миллера и хана Жолбарса по джунгарской теме. Не исключено, что она затрагивалась в переговорах, но К. Миллер не стал распространяться о ней при даче показаний по возвращении в Оренбург, помня о том, что эта информация носила секретный характер. Не случайно М. Абдураимов обратил внимание на то, что в 15 пункте показаний К. Миллера говорилось: «Сверх сего краткого показания, имеется у него, Миллера, при себе черновой журнал; который он, порядочно переписав и подаст г-ну тайному советнику (т.е. Татищеву) ежели послан будет в С. Петербург». Но, как отмечает М. Абдураимов, этот журнал до нас не дошел [Там же, с. 89].

Таким образом, можно видеть, что, несмотря на явную неудачу, достигшую русский торговый караван, его руководитель поручик К. Миллер выполнил часть секретных поручений, возложенных на него руководителем Оренбургской комиссии. При этом сам В. Н. Татищев деятельно готовился к продолжению контактов с Жолбарс-ханом. В начале января 1739 г. он получил разрешение прибыть в столицу и лично доложить о результатах, достигнутых при нем Оренбургской комиссией.

Докладывая 20 февраля в Санкт-Петербурге кабинет-министрам свои предложения по дальнейшему развитию русско-казахских связей, В. Н. Татищев уделил много внимания вопросам взаимоотношений со Старшим жузом. К этому времени у руководителя Оренбургской комиссии уже имелись четкие представления по вопросу принятия в подданство Жолбарс-хана, и он хотел согласовать отдельные детали. Так, он поставил вопрос об уровне церемониала и объеме награждения вновь вступающих в российское подданство казахов: «Большой орды Юлбарыс хан ежели сам прибудет с тою ли церемониею, как Абулхаир хана принять или что переменить и насколько ценю ему самому, его детям и старшинам подарить всемиловнейше повелите». В. Н. Татищев считал, что во взаимоотношениях с казахами России стоит отойти от практики широкой раздачи подарков, которая применялась в отношении других кочевых народов, «дабы не думали, – указывал он, – что вашему величеству очень нужны, но паче то им толковать, что им более пользы». Наиболее приемлемым вознаграждением для Жолбарс-хана за принятие его в подданство он считал саблю, дорогую шубу и лисий мех «на шапку», а также металлический доспех («пансерь»). Часть этих традиционных подарков уже была, по требованию В. Н. Татищева, припасена в Оренбургской комиссии. Кроме того, по просьбе посланцев Старшего жуза, заявивших, что в качестве подарков их правитель хотел бы получить еще и огнестрельное оружие, В. Н. Татищев распорядился купить три фузеи и три пары пистолетов. Для детей хана и казахских старшин были приобретены разных сортов красные сукна западноевропейского производства, а другие товары затребованы из Сибирской губернии. При этом В. Н. Татищев по опыту принятия присяги у хана и старшин Младшего и Среднего жузов считал необходимым поднять уровень подарков для султанов (сыновей хана Жолбарса). Для этого он попросил прислать с Сестрорецких оружейных заводов шесть ружей и шесть пар пистолетов «с медною оправою». Расходы по принятию в подданство хана и старшин Старшего жуза, по расчетам В. Н. Татищева, могли превысить первоначально запланированные на такие цели две тысячи рублей. Поэтому он попросил увеличить смету на церемониальные мероприятия.

Другой важный вопрос, поставленный руководителем Оренбургской комиссии, касался приема и содержания аманатов от Старшего жуза. В. Н. Татищев считал, что «лучше брать немного да знатных, дабы содержанием их не отяготиться». Общее число аманатов от Старшего жуза, по его мнению, следовало ограничить пятью человеками, из которых ханского сына в сопровождении двух служителей целесообразно было отправить в Санкт-Петербург [15, д. 1183, л. 54 об.]. Как видим, от традиционной формы контроля над поведением кочевых народов через содержание знатного политического заложника (аманата) российские власти в то время еще не были готовы отказаться в пользу других средств и методов воздействия.

Поставленные В. Н. Татищевым вопросы рассматривались несколько месяцев. За это время пришло известие, что отправленный в 1738 г. из Оренбурга русский торговый караван был разграблен в пути. Узнать подробности миссии поручика К. Миллера В. Н. Татищеву не довелось, так как в мае 1739 г. он был отстранен от руководства Оренбургской комиссией и отдан под следствие по обвинениям в различных злоупотреблениях, которые выдвинули против него его бывшие сослуживцы по Оренбургской комиссии. Несмотря на это, предложения В. Н. Татищева по дальнейшему развитию русско-казахских отношений были в целом положительно восприняты правительством России и утверждены в ряде указов новому руководителю Оренбургской комиссии генерал-майору князю В. А. Урусову.

Их анализ свидетельствует, что правящие круги России намерены были осуществить идею принятия в подданство Старшего казахского жуза и продолжить развитие торговых связей между Оренбургом и Ташкентом, несмотря на первый неудачный опыт. В частности в указе от 20 августа 1739 г. В. А. Урусову поручалось принять хана Старшего жуза, когда он прибудет для принесения присяги на подданство, «с такою ж церемониею, как Абулгаир хан принят». При этом было поддержано предложение В. Н. Татищева об увеличении расходов на проведение церемониала: «На подарки и трактирование для прибытка Большой кайсацкой орды хана прибавить ко определенным на такия издержки двум тысячам есче до тысячи рублей» [5, д. 6, л. 4]. В другом указе от 26 августа В. А. Урусова обязали добиваться возвращения имущества, захваченного казахами при ограблении торгового каравана, следовавшего в 1738 г. из Оренбурга в Ташкент. При этом правительство России не отказывалось от самой идеи направления торговых караванов с русскими товарами в среднеазиатские города. Новому руководителю Оренбургской комиссии давались четкие установки, каким образом следовало организовать в будущем данную торговлю, чтобы избежать повторения печальной участи первого каравана и сделать ее прибыльной для государства [14, с. 381-382]. В январе 1740 г. князю В. А. Урусову напомнили, чтобы он добивался возврата имущества от казахов, виновных в грабеже торгового каравана, следовавшего в 1738 г. в Ташкент под руководством К. Миллера, но не отпугнул других казахских купцов от торговли в Оренбурге [19, с. 173]. Данный указ свидетельствует, что представители Старшего жуза приезжали по торговым делам в Оренбург.

Однако политическая ситуация в Средней Азии к этому времени изменилась: джунгары сами активизировали набеги на казахские степи, хан Жолбарс, склонявшийся к подданству России, был убит в результате заговора среднеазиатских феодалов, запланированный В. Н. Татищевым поход на Аральское море не состоялся и, как пишет Н. Н. Петрухинцев, «вторая присяга» представителей казахской верхушки так и не распространилась на Старший жуз [9, с. X; 13, с. 54; 19, с. 192-196].

Подводя итоги сказанному, можно отметить, что взаимоотношения России со Старшим казахским жузом занимали важное место в планах руководства Оренбургской комиссии при В. Н. Татищеве, который деятельно готовился к принятию данного жуза в российское подданство. В соответствии с концепцией российской восточной политики, он рассматривал с помощью Старшего жуза укрепить влияние России в Среднеазиатском регионе, противопоставив силы новых российских подданных – казахов – растущей экспансии Джунгарского государства. Осуществлению этих планов помешали, с одной стороны, придворные интриги, инициированные против В. Н. Татищева его недоброжелателями во главе с герцогом курляндским Э. И. Бироном, с другой, - изменение внешнеполитической обстановки в Средней Азии и смерть хана Старшего жуза Жолбарса, преемники которого не выступали с аналогичными инициативами по укреплению связей с Россией. Впрочем это не помешало ряду старшин Старшего жуза со своими родами в августе 1742 г. принести в Оренбурге присягу на подданство России [8, с. 243], но основная масса казахов Старшего жуза осталась в XVIII в. вне сферы влияния России.

Список литературы

1. **Абдураимов М.** Первый русский купеческий караван в Ташкент: 1738-1739 гг. // Известия АН УзССР. Ташкент, 1955. № 6. С. 87-93.
2. **Аполлова Н. Г.** Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII – начале XIX в. М.: АН СССР, 1960. 456 с.
3. **Басин В. Я.** Россия и казахские ханства в XVI-XVIII вв. Алма-Ата: Наука, 1971. 273 с.
4. **Вяткин М.** Очерки по истории Казахской ССР. М.: ОГИЗ; Госполитиздат, 1941. Т. I. 367 с.
5. **Государственный архив Оренбургской области (ГАОО).** Ф. 2. Оп. 1.
6. **Доннелли А. С.** Завоевание Башкирии Россией: 1552-1740: страницы истории империализма. Уфа: Ватан, 1995. 285 с.
7. **Ерофеева И. В.** Хан Абулхайр: полководец, правитель и политик. Алматы: Санат, 1999. 336 с.
8. **История Казахской ССР.** Алма-Ата: АН Казахской ССР, 1957. Т. I. 609 с.
9. **Казахско-русские отношения в XVI-XVIII веках:** сборник документов и материалов / Академия наук Казахской ССР. Алма-Ата, 1961. 746 с.
10. **Кундакбаева Ж. Б.** «Знаком милости Е. И. В. ...»: Россия и народы Северного Прикаспия в XVIII веке. М.: АИРО-XXI; СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. 304 с.
11. **Левшин А. И.** Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких орд и степей. Алматы: Санат, 1996. 656 с.
12. **Моисеев В. А.** Джунгарское ханство и казахи в XVII–XVIII вв. Алма-Ата: Гылым, 1991. 240 с.
13. **Петрухинцев Н. Н.** Время собирать караван: первый шаг к Казахстану // Родина. М., 2004. № 4. С. 50-54.
14. **Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ).** 1830. Т. 10. 996 с.
15. **Российский государственный архив древних актов (РГАДА).** Ф. 248. Оп. 17.
16. **Сборник императорского русского исторического общества.** Юрьев, 1906. Т. 124. 585 с.
17. **Смирнов Ю. Н.** Оренбургская экспедиция (комиссия) и присоединение Заволжья к России в 30–40-е гг. XVIII века. Самара: Самарский университет, 1997. 190 с.
18. **Татищев Ю.** К истории управления В. Н. Татищевым Оренбургской экспедицией: 1737–1739 гг. М., 1901. 27 с.
19. **Торопицын И. В.** Политико-экономические санкции как способ решения внутриполитических проблем и пограничных инцидентов на юго-востоке России в 1730-1740-х гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 6 (12). Ч. II. С. 170-173.
20. **Торопицын И. В.** Проведение В. Н. Татищевым административной реформы в Уфимском уезде (Башкирии) в 1737-1738 гг. // В. Н. Татищев и проблемы государственно-административного управления в России в прошлом и настоящем: материалы международной научной конференции / сост. В. В. Ишин и И. В. Торопицын. Астрахань: Астраханский университет, 2006. С. 60–69.
21. **Торопицын И. В.** «Чтоб на Аральском море город построить»: подготовка начальником Оренбургской комиссии тайным советником В. Н. Татищевым экспедиции в Среднюю Азию: 1738-1739 гг. // Исторический архив. М., 2009. № 6. С. 189-201.
22. **Устюгов Н. В.** Башкирское восстание 1737–1739 гг. М. - Л.: АН СССР, 1950. 154 с.
23. **Blanc S.** Un disciple de Pierre Le Grands dans la Russie du XVIII-e siecle: V. N. Tatischev (1686-1750). Sille, 1972.

PRIVY COUNCILLOR V. N. TATISHCHEV'S ROLE IN RUSSIA AND KAZAKH GREAT JUZ RELATIONS DEVELOPMENT IN THE SECOND HALF OF THE 1730S

I'ya Vasil'evich Toropitsyn, Ph. D. in History
 Department of Russian History
 Astrakhan' State University
 itoropitsyn@mail.ru

The author discusses the foreign policy and trade relations of Russia and Kazakh Great Juz in the second half of the 1730s, pays special attention to the negotiations between the head of Orenburg Commission privy councillor V. N. Tatischev and the envoys of Kazakh Great Juz Khan Zholbars, characterizes the Russian government policy in respect of Great Juz, V. N. Tatischev's foreign policy views and diplomatic steps in Russian-Kazakh relations development, and covers the military-political aspect of the first Russian trade caravan leader lieutenant K. Miller's mission in Tashkent (1738).

Key words and phrases: eastern policy of Russia in the second half of the 1730s; Russian-Kazakh relations; Kazakh Great Juz; Orenburg Commission; V. N. Tatischev; K. Miller; Khan Zholbars.